

Годовщина

Когда Норм проснулся, Джин возилась возле гардероба, передвигая вешалки, разглядывала свои аляповатые цветастые платья из полиэстера. Она их покупала каждый год – похожие одно на другое уродливые платья. И еще брючные костюмы оттенков пастельных леденцов карамели, которые долго валялись в ящике стола, засахарились и поблекли от времени.

– Ты чего так рано? – хрипло спросил Норм.

Она обернулась. Глаза ее возбужденно горели.

– Неужели ты забыл, Норм? Наш семидесятилетний юбилей! Сегодня приедут с телевидения брать интервью. Нужно выбрать тебе костюм. А я сама еще не решила, что надену. – И она снова нырнула в нафталиновое нутро старого шкафа.

– Ах да, – простонал Норм, устало откинувшись на подушки.

После обеда весь дом был полон незнакомых людей. Под ногами путались провода и черные коробки. В гостиной устанавливали лампы. Норм и Джин сидели на диване плечом к плечу. Джин нервно улыбалась и переговаривалась с молодой миловидной девушкой с телевидения, а Норм лишь молча потирал сухие, морщинистые руки.

Наконец приготовления были закончены. Девушка взяла в руки микрофон, растянула губы в про-

фессиональной улыбке и повернулась вполборота к камере:

– Что может быть прекраснее настоящей любви! Любви, прошедшей через годы: через весну юности, лето зрелости и осень старости. Дорогие телезрители, разрешите вам представить – Норм и Джин Осборн. Когда-то давным-давно они связали себя узами любви и брака, и вот, семьдесят лет спустя, эта любовь все так же жива. – Она повернулась к сидящим на диване старикам. – Расскажите нашим телезрителям, как вы познакомились.

– Мы познакомились в баре, – начала Джин. – Я зашла с подругами после работы. А Норм там был с друзьями. Они были такие красавцы в военной форме...

Норм вспомнил тот день. Тот вечер. Он и его друзья, пьяные от хорошего виски, оттого, что наконец-то дома, оттого, что не погибли там, в чужой стране за океаном, как многие из их товарищей. Пьяные оттого, что рядом эти смазливые девчонки-хохотушки, и оттого, что глаза у них блестят так призывно. Особенно у той, которая с ним рядом, в облегающем цветастом платье.

– Да, это была любовь с первого взгляда. Правда, Норм?

Он вспомнил безрадостное серое утро и смятые простыни в дешевом мотеле, где пахло сыростью

ты. Я тщательно прощупывал почву: расспрашивал о семье, о родителях, о ее планах на будущее. Патриархальная семья, мама, посвятившая себя мужу и детям. А Лин – Лин мечтала о детях, камине, белом штакетнике и лабраторе на лужайке. Бинго!

Я пригласил ее в гости. Она приехала и оправдала все мои ожидания. То есть она оказалась именно той женщиной, на которой я мог бы жениться без опаски. И я сделал предложение. Мы очень быстро формально поженились, запустили бюрократическую машину и при первой же возможности собирались поехать в Шанхай и устроить свадьбу. Но когда появилась такая возможность, Лин заявила, что это будет бессмысленной тратой денег. Что гораздо лучше будет, если она пойдет учиться, чтобы поскорее начать работать, чтобы мы вместе могли зарабатывать деньги на дом, на белый штакетник и на будущее наших детей.

Через четыре года она получила диплом. Через год после этого она получила гражданство. А еще через год – подала на развод. Все эти годы она находила оправдания для того, чтобы не заводить детей, и у меня за все это время не возникло ни одного подозрения. Ну, по крайней мере, она бросила только меня, а не детей. – И он кисло усмехнулся. – Джимми, еще виски на двоих!

– Вик, ты снова нажрался, как сукин сын. На сегодня хватит. Твоему собутыльнику так вполне определено. – И бармен кивнул головой на мирно спящего у стойки мужчину. – Сукин сын! Ты прав, Джим, я – сукин сын! – воскликнул Вик.

– Ну, хватит, приятель. Я уже вызвал тебе такси. Собирайся.

Вик послушно закопошился, застегивая пальто и неловко обматывая вокруг шеи шарф.

– А Джессика-то уже почти десять лет замужем. И у нее двое детей. И дом. И белый штакетник. И лабрадор. А я – сукин сын. Пока, Джимми, до скорого, – бросил Вик, направляясь к выходу. У порога он обернулся: – Счастливого Рождества, – крикнул он, открывая дверь и выпуская порыв зимнего ветра, торопливо подоткнул непослушный шарф и вышагнул в белую метель за дверью.

Мак-Говерн

Энди Мак-Говерн не был жестоким плантатором. Нет, сэр, не был. И управляющий Джеймисон был вовсе не зверь. Конечно, на Фэйри-Хилл рабов тоже по-роли и наказывали. Но вот тех пыток и ужасов, как на других плантациях, не было. Нет, сэр, не было.

От того, что рассказывали про плантации Гринов, волосы дыбом вставали. А у мастера Мак-Говерна было вполне сносно. Собирай свою дневную норму хлопка, и никто тебя пальцем не тронет. Даже доктора приглашали, если заболеешь. Энди Мак-Говерн берег своих рабов. Чай, не даром достались.

Рабы жили в небольших хижинах. И при каждой хижине была грядка. Хоть маленькая, да своя земля, на которой можно было растить окру, бататы и кабачки. И мастер Мак-Говерн был не против. А почему бы и нет? Когда рабы сыты и довольны, они и работают лучше, и не сбегают. Так он считал. И Джеймисону внушил. А Джеймисону чего? Ему жалованье платят хорошее. Как приказали, так и сделает.

Вот поэтому все были, конечно, предельно изумлены, когда Куашиба, то есть Бетти, сбежала. Уже потом, когда ее поймали, то все узнали, что она спуталась с беглым негром, который пробирался с юга на север и какое-то время прятался в лесах возле плантации Мак-Говерна. А Бетти любила собирать травы и часто уходила далеко в лес. Я же говорю, что у мастера Мак-Говерна была чуть ли не полная свобода. Ни за кем особо не следили. Ведь никому и в голову бы не пришло бежать от такого хозяина.

Спихватились лишь на третий день, когда выяснилось, что Бетти две ночи не ночевала в своей хижине и что ее сын, Джуба, уже который день сидит впроголодь. Мужа у Куашибы не было. Родственников тоже. Вообще родственники на плантациях – большая редкость. А вот Джуба у нее был. Единственный сынок. У Бетти кожа была такая черная, что синевой отливала. А Джуба был намного светлее. Болтали, конечно, всякое. Некоторые упоминали Джеймисона. Хотя, я считаю, что это совершеннейшая чушь. Джеймисону нравились только белые тела. Каждый свой выходной он ездил в город и развлекался в салоне у Лу-Анн. Никто его ни разу не видел с негритянской. Нет, сэр.

А вот мастер Мак-Говерн был из другого теста. Не пропускал ни одного карнавала, ни одного праздника. Негры настолько привыкли, что он всегда присутствует на гуляньях, что веселились и танцевали не стесняясь. И если бы кто внимательно понаблюдал за мастером Мак-Говерном, как он разглядывает танцующих девчонок, как взгляд его приклеивается к одной из них и становится масляным... Собственно, Джуба был не единственным ребенком-мулатом на нашей плантации.

Уж не знаю, было ли что между Бетти и мастером Мак-Говерном, но то, что он ее никогда не наказывал, – это чистая правда. И на тяжелые работы ее никогда не определяли. Жила, как у Христа за пазу-

хой. И вот эта дура сбегает. Конечно, мастеру Мак-Говерну пришлось снарядить поисковую бригаду. А ведь это стоит немалых денег. Часто поиски обходятся плантатору гораздо дороже беглого раба. Но не искать нельзя. Во-первых, это дело чести. Если плантатор не будет ловить и наказывать беглых, то как на него посмотрят соседи? А во-вторых, это дело принципа. Одному сойдет с рук, так все побегут. Слабину давать нельзя.

Когда Бетти поймали и привезли в поселок в клетке, то было видно, что мастеру Мак-Говерну это все не по душе. Он вышел, глянул на клетку, в которой Бетти выла от страха, отдал вполголоса распоряжения Джеймисону и ушел в дом. Даже при порке не захотел присутствовать.

Бетти пороли два часа. Тех, кто пороли, сменяли четыре раза. Народ толпился, глазел. У нас нечисто такое бывало. Потом всех разогнали, а Бетти оставили у столба умирать. Женщинам запретили ее снимать. Они, конечно, утирали слезы и шептались, как это ужасно, но все понимали, что бывают смерти и пострашнее.

В суматохе все забыли про Джубу. И ведь надо же – именно мастер Мак-Говерн приказал через пару дней привести мальчишку. Сначала его определили на кухню в помощники к толстой Джемайме. А вскоре мастер Энди договорился в городе с кузнецом и отдал Джубу к нему в подмастерье. «Будет потом у нас на плантации свой кузнец», – так он сказал Джеймисону. Слово с ним кто спорил. А когда заполняли метрику, то мастер Энди приказал Джубу записать Джеймсом. Старшего сына мастера Мак-Говерна тоже Джеймсом звали. Может, поэтому. «Хватит, говорит, этих варварских имен. Пусть, говорит, будет достойное христианское имя». А вместо фамилии велел написать Мак-Говерн. Тогда часто рабов записывали под именем хозяина. Так что никто не заподозрил в этом ничего странного.

* * *

Кевин Мак-Говерн приходил на перекресток Третьей авеню и Гранд-стрит каждый день. Это был его перекресток. Так уж сложилось, и никто не оспаривал его права сидеть тут с картонкой, на которой было нацарапано что-то жалостливое вроде «Ветеран войны в заливе. Бездомный и голодный». Хотя ни на какой войне Кевин Мак-Говерн никогда не бывал. Тем не менее он действительно был бездомный и ночевал каждую ночь либо в ночлежке, либо, когда было тепло, где придется. И голодным он был часто. Это тоже было правдой. А вот про

причины такого его плачевного положения лучше было правды не писать. Они бы вряд ли вызвали сочувствие у проезжающей мимо публики. Вот, например, как у этой чернокожей сучки в перламутровом «майбахе», которая уж точно ничего не даст.

Сесилия Мак-Говерн возвращалась с конференции кардиологов. Отель бронировать смысла не было. Два часа по автостраде – и она дома. Но нужно было заправить машину, и она съехала с дороги в этот совершенно незнакомый район. Судя по всему, неблагополучный. На каждом углу – попрошайка. Сесилия порылась в сумочке и достала доллар. Она всегда подавала тем, кто просил. Ее друг Лез вечно ей выговаривал: «Сесилия, ты доверчива, как дитя! Ведь эти проходимцы тебя обманывают!» Ну и пусть обманывают. Но если хоть один из них не обманывает, то это уже стоит того. К тому же если человек вынужден кланчить деньги, то ему вряд ли можно позавидовать.

Сесилия всегда задумывалась над тем, что вынудило тех, кому она помогала, просить. Вот, в частности, этот молодой рыжий, веснушчатый мужчина. Что заставило его? Скорее всего, выпивка. А может, и наркотики. Бедняга. Сесилия опустила чуть затемненное стекло «майбаха» и протянула Кевину доллар.

– Да благословит вас господь, мадам, – поклонился Кевин Сесилии.

А Сесилия ласково улыбнулась ему в ответ. Через секунду загорелся зеленый, перламутровый красавец «майбах» тронулся с места, навсегда разлучая Кевина и Сесилию, двух совершенно разных людей, из разных городов и даже миров. Людей, объединенных лишь одной и той же вполне распространенной фамилией. Фамилией, которую им дал их прапрапрадедушка – Энди Мак-Говерн.

